

Михаил ЗОЩЕНКО

ЗАБАВНОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА

1936

М О Р О К А

Конечно, таких рассказов, в которых человек выиграл, скажем, сто тысяч и с ним после этого чего-то такое случилось и стряслось, — таких рассказов в литературе существует, конечно, до чорта.

Но то, чего мы хотим рассказать, по своей комичности положений превосходит все до сих пор написанное в этой области.

Отметим к тому же, что все это голая правда.

Вот представьте себе утро. Туманный Ленинград. Надо сейчас идти трудящимся на работу. Вот сейчас они попьют чайку и пойдут гордой вереницей.

Но что-то случилось. Чей-то крик, я извиняюсь, раздается.

Это в нашей коммунальной квартире раздаются крик, шопот, треск и разные возгласы.

Жильцы сбегаются на это место и видят вот что:

Рабочий Борька Фомин в розовых подштанниках шляется по своей комнате. Челюсти у него трясутся. И лицо белое как глина. В одной руке у него газета. В другой — почтовая открытка. В третьей руке его супруга держит талон, и так она восклицает:

— Ах, уйдите все из комнаты! Еще ничего неиз-

вестно! А я лично не могу поверить, что мы с Борей пять тысяч выиграли!

Борька Фомин, у которого от волнения с носа капля падает, говорит:

— Получаю открытку со сберкассы. Что такое? Пардон. Выиграл деньги.

Жена говорит:

— Вся моя жизнь проходит в сумерках. Чтоб что-нибудь удивительное случилось, — этого не бывает. Если же Борька выиграл такие деньги, то я, говорит, непременно знаю, что произойдет какое-нибудь такое, благодаря чему я, скорей всего, не увижу этих денег.

Один жилец говорит:

— Часто бывает, — они печатают, не досмотревши цифры. Или нолики у них заскакивают и не там расположены. Трудящиеся ахают, а после, конечно, не то выигрывают.

Тут приносят семь газет из разных комнат. Все глядят, и проверяют, и видят: нету сомненья. Борька Фомин, этот, не представляющий из себя ничего особенного, выиграл пять тысяч, и неизвестно никому, чего он сейчас будет делать с этими деньгами.

Борькин племянник — живущий тут молодой мальчишка лет 17 — Вовка Чучелов, сдающий экзамен на звание шофера и не привыкший еще давить людей, говорит Борису Андреевичу:

— Чем, дядя, понапрасну слова кричать, — побегите в сберкассу. Если вам дадут эти деньги, значит вы действительно выиграли.

Тут все начинают кричать на Бориса Андреевича и велют ему побежать в кассу.

Его жена, по своей женской недоверчивости, при этом так восклицает:

— Сейчас он у меня, подлец, под трамвай ссыпется или его автобус зацепит. Этого не бывает, чтоб я свободно по пять тысяч выигрывала.

Вот Борис моментально одевается, бежит и вскоре возвращается обратно белый как глина.

Он говорит всем присутствующим ослабевшим голосом человека, только что летавшего в стратосферу.

Он говорит:

— Да, я выиграл пять тысяч. Они мне велели по-слезавтра придти за деньгами.

Тут все поздравляют Бориса Андреевича и велют ему полежать на кушетке, чтобы не сорвать ход организма до получения денег.

Жена говорит:

— Ах, уйдите все из комнаты. Я хочу строго подумать, чего может случиться, благодаря чему мы не получим этих денег.

Вот проходит целый день, и утром снова раздаются крики, шопот и грубые восклицания.

Все жильцы спешат на место происшествия и видят вот что:

Борис Андреевич лежит в розовых подштанниках на кушетке. Челюсти у него трясутся и капли падают с носа.

Жена говорит:

— Еще хорошо, что его, подлеца, у меня в ряды партии не приняли. Вот бы он мне конфетку подложил.

Жильцы говорят:

— А что такое?

— Да как же, говорит, что! Он у меня, оказывается, две недели назад, не дождавшись выигрыша, стал как ребенок рекомендации себе просить у разных высших лиц. Он хотел, видите ли, записаться. Хорошо, ему не дали. Вот бы теперь пришлось, наоборот, я так думаю, половину денег отдать на борьбу с тем, и с этим, и в МОПР, и так далее.

Один жилец говорит:

— Нет, отдавать необязательно, но, конечно, иные по своей охоте оставляют себе на папиросы рублей шесть денег, а остальные отдают на строительство.

Жена говорит:

— Ах, уйдите все из комнаты. Я хочу подумать, чего еще может случиться.

На третий день Борис получил деньги сполна. Он со вздохом отдал двадцатку на дирижабль, остальные он принес домой и закрылся в своей комнате.

На четвертый день утром раздаются крики, воркотня, вопли, шопот и грубая брань.

Это Борис Андреевич, поругавшись с женой, разводится с ней и теперь уходит к одной барышне. Такая жила в другом конце коридора, Феничка. Такая белобрысенькая. Кажется, из чухонок. Но такая удивительно миленькая душечка. Тоненькая как мечта поэтов.

И он, собрав вещи, как раз переходит к ней и так про жену восклицает:

— Я уйду от нее, поскольку я увидел всю ее мелкобуржуазную сущность. Она в такое героическое время радовалась, что мне рекомендации не дали. Я ей никогда этого не прощу и всякий раз, видя ее, буду непременно страдать и огорчаться. Я от нее лучше уйду. Но я не хочу ее даром бросить. Я ей дам рублей сто или девяносто, и пускай она, дьявол, не вмешивается в мои сердечные дела!

Жена говорит:

— Вот так да! Я же вам говорила...

Тогда племянник Вовка совместно с Борис Андреевичем моментально переносят вещи к Феничке и там весь вечер празднуют пышный бал.

На шестой день снова в квартире раздаются крики, возгласы и дамские слезы.

— Что такое? Пардон. Извиняюсь, что случилось?

— Ах, это, знаете, у Бориса Андреевича ночью сперли все деньги.

Рисуется чудовищная картина ужаса и потрясения.

Сам Борис Андреевич лежит на кровати с мордой, бледной как глина. Он шепчет слова удивления и разводит руками, показывая этим силу своего душевного страдания.

Тут же рядом на ковре лежит без памяти Фенечка: у нее украли туфельки и пальто.

Тут узнается, что борькин племянник Чучелов, не сдав еще экзамена на шофера, исчез неизвестно

куда. Рисуется картина подлой кражи со стороны этого бешеного родственника.

Тогда вдруг появляется феничкин брат или, чорт его знает, кто. Тоже, кажется, из чухонцев. Со значком ГТО.

Он почти ничего не говорит и только ногами выпихивает лишних обитателей из комнаты.

Последним номером программы он выгоняет Борьку Фомина и бьет его в рыло за исковерканную дамскую жизнь плюс туфельки и пальто.

Борька с криками страдания мечется по коридору с мордой, вспухшей как пирог.

Тогда его бывшая жена берет его под свое покровительство и разрешает ему снова находиться на ее половине.

Борька ложится на пол в ее комнате и страдает так, что даже пришедший милиционер, привыкший видеть все, чего бывает, не может этого видеть.

Борька говорит жене:

— Ах, я сам не понимаю, как я от вас ушел. Только ваша любовь завсегда скрашивала мои невероятные страдания. Я как в бреду жил три дня с этой белобрысой чухонкой, у которой совершенно поделом сперли плюшевые туфли и пальто и у которой брат, я не знаю, какой подлец и убийца живых существ. Ах, у меня была морока в голове от этих всех дел. Я вам в присутствии товарища милиционера приношу свои сердечные извинения за все явления.

Милиционер говорит:

— Ах, перестаньте вы канючить. Моя душа бук-

важно разрывается от этих слов. Я прошу вас замолчать и говорить то, что случилось, а не то, что было. Я, говорит, составляю протокол, а не пишу поэмы из жизни оборванцев.

Борька говорит:

— Тогда слушайте. Феничка ночью спала, а я, не помню зачем-то, на минутку пошел в уборную. Наверное, Вовка Чучелов все это увидел и взял из комнаты эти деньги и эти вещи.

Милиционер записывает этот факт и уходит.

Муж с женой мирятся и живут друг с другом с обыкновенной любовью.

Борька с Феничкой не раскланивается. А она щеголяет в новых туфельках, неизвестно откуда полученных.

Феничкина сестра Сима, с которой Борька разговаривался, сказала, что этот белобрысый, набивший ему морду, — отнюдь не брат, а попросту любовник. И этим все объясняется.

Страдания Борьки прекращаются. Он ходит на работу и там дает разные смелые обещания.

Жена говорит:

— Попроси у кого-нибудь рекомендацию. Может, кто-нибудь и даст. Ладно, что же делать, если тебе это нравится. Ты у меня тянешься ко всему как ребенок.

Вдруг через две недели вызывают Борьку в милицию. И там ему сообщают, что в Гаграх, на Кавказе, поймали его племянника Вовку Чучелова. Он истратил 400 рублей, а остальные деньги Борька может моментально получить обратно.

Борька, с лицом бледным как глина, возвращается домой. У него в руках деньги. И он садится на кушетку, неохотно смотрит на всех и не совсем понимает, что случилось.

Его жена говорит:

— Ах, уйдите все из комнаты. Еще неизвестно, что будет.

Эта неизвестность продолжается три дня, после того Борис Андреевич вдруг моментально с бухты-барухты женится на феничкиной сестре Симе.

От счастья он не ходит на работу три дня, и его выгоняют на полгода. Но он на это плюет и не горюет. Он кладет свои деньги на книжку. И эту книжку носит теперь на груди на самом толстом шпагате.

Феничка говорит, что ей все это безразлично. А жена говорит: «Вот так штука!» И выходит неожиданно замуж за знакомого бывшего поляка, который переезжает на ее площадь, как не имеющий таковой.

Вот теперь интересно, что будет, когда Борис Андреевич поистратится.

Прочитавши этот рассказ, мы можем вместе с вами подивиться удивительным делам. И, подивившись этим делам, давайте с надеждой подумаем о тех прекрасных днях, в которые деньги не будут, может быть, иметь такое выдающееся значение.

Мир ахнет и удивится, какая, наверное, будет удивительная жизнь. А нам, подлецам, воспитанным на прежней дряни и безобразии, даже и не понять, как это будет!

ЗАБАВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Жена одного служащего — довольно молодая и очень интересная дама, выходец из мелкобуржуазной семьи — влюбилась в одного актера.

Он был артист драмы и комедии. И вот она в него влюбилась.

Или она увидела его на подмостках сцены — и он покорила ее великолепной игрой, или, наоборот, она игры его не видела, а он, может, просто понравился ей своей артистической внешностью, но только, в общем, она в него порядочно влюбилась. И даже она одно время не знала, как ей поступить: уйти ли ей от мужа и перейти к артисту или от мужа ей не уходить, а просто увлекаться актером, не перестраивая своей жизни.

Но потом, увидев, что актер драмы вроде как ничего не имеет — ни пайка, ни чего такого особенного, — решила от мужа не уходить. Тем более, что артист и сам не горел желанием на ней жениться, будучи уже человеком, обремененным многочисленной семьей.

Но, поскольку они были влюблены друг в друга, они все же стали встречаться по временам.

И он ей звонил по телефону, и она к нему забе-

гала на репетицию, чтоб посмотреть, как он бойко играет роль. И через это она в него еще сильнее влюбилась и мечтала с ним почаще встречаться.

Но, поскольку им, собственно, негде было встречаться, то они, буквально как Ромео и Джульетта, стали встречаться на улице или в кино или забегали в кафе, чтобы перекинуться нежными словами.

Но такие короткие встречи их, конечно, мало удовлетворяли, и они постоянно горевали, что ихняя жизнь неблагоприятно складывается и им даже негде поговорить о своей безумной любви.

А к нему она, конечно, не могла заходить, поскольку артист был семейный человек.

А что касается, если к ней зайти, то она нередко его приглашала, когда ее супруг был в учреждении. Но он, зайдя пару раз, категорически от этого отказался.

Как человек нервный, одаренный кроме того болезненным художественным воображением, он попросту пугался находиться у нее, думая, что вот, мало ли, сейчас войдет муж и начнутся, может быть, крупные разговоры, со стрельбой и так далее.

И в силу таких мыслей артист находился у нее в гостях, так сказать, в ненормальном состоянии и, вообще, полумертвый от страха.

И тогда она, конечно, перестала его приглашать к себе, поскольку видит, что человек, ну, просто душевно болеет и делается как бы не от мира сего.

И вот однажды она ему говорит:

— Тогда вот что: если хотите со мной повидать-

ся, то приходите в следующий выходной день к моей подруге.

Артист драмы говорит:

— Вот и великолепно. А то, знаете, моя профессия требует утонченных нервов, и я, говорит, не могу не робеть, находясь у вас.

А у нее была ближайшая подруга Сонечка. Очень миленькая особа, не без образования. Кажется, из балетных.

И муж нашей дамы вполне одобрял это знакомство, говоря, что лучшей подруги для жены он себе и не желает.

И вот наша балетная, после горячих просьб, разрешила своей подруге повидаться у нее для переговоров с любимым человеком.

И вот утром, в выходной день, наш артист, получше принарядившись, попорол на это свидание.

А надо сказать, что в трамвае у него случился небольшой эпизод и столкновение с соседом. Ну, вообще, легкая перебранка, крики и так далее. В результате чего наш артист, как человек несдержанный, немного более, чем следует, погорячился. И, когда сосед после перебранки сошел с трамвая, наш артист, не утерпев, плюнул в него. И был очень рад, что трамвай быстро пошел и оскорбленный сосед не мог уже догнать его, как того хотел.

Однако от этого столкновения настроение нашего артиста не испортилось. Он встретился со своей симпатией, и они совместно пошли к подруге, которая проживала в коммунальной квартире, в небольшой, но уютной комнате, ключ от которой находился в их руках.

И вот они зашли в комнату, присели на диван, чтоб поговорить о своей дальнейшей жизни, как вдруг в дверь кто-то постучал.

Молодая дама сделала артисту знак не отзывать-ся, но артист и без того замер в безмолвии.

Вдруг за дверью раздается голос:
— Скажите, а скоро она вернется?

Наша дама, услышав голос, страшно побледнела и шопотом сказала актеру, что это голос ее мужа. И что муж, должно быть, увидел их на улице, и вот он теперь их выследил и пришел сюда.

Артист драмы, услышав о подобном камуфлете, просто даже затрясся и задрожал и, затаив дыхание, прилег на диван, с тоской глядя на свою симпатию.

А голос за дверью говорит:

— Тогда я напишу записку. Скажите, что я за-ходил.

И вот муж нашей дамы (а это был действительно он), написав записку, подсунул ее под дверь и сам пошел к выходу.

Наша дама, очень удивившись, моментально схватила эту записку и стала читать ее. После чего на-чала громко рыдать, вопить и падать на диван.

Артист драмы, немного придя в себя от звуков дамского голоса, тоже не без удивления зачитал эту записку, в которой говорилось:

«Крошка Сонечка! Я случайно освободился рань-ше и заскочил к тебе, но — увы! — не застал. Зайду в три. Крепко целую. Николай».

Наша дама сквозь слезы и рыдания говорит артисту:

— Что бы это значило? Как вы думаете?

Артист говорит:

— Скорее всего, ваш муж увлекается вашей подругой Соней. И он зашел сюда к ней не иначе, как отдохнуть от своей семейной жизни. Теперь ваша совесть должна быть спокойна, — позвольте вашу ручку.

И только он хотел преподнести ее ручку к своим шершавым губам, как раздается неистовый стук в дверь. И за дверью слышится тревожный голос подруги:

— Ах, откройте поскорей! Это я пришла. Не заходил ли кто-нибудь без меня?

Услышав эти слова, наша дама моментально разразилась рыданиями и, открыв дверь, с плачем подала подруге оставленную записочку. Та, прочитав записку, немного смутившись, сказала:

— В этом нет ничего удивительного. А раз вы все знаете, то я скрываться не буду. В общем, я прошу вас моментально уйти, поскольку ко мне должны кое-кто зайти.

Наша дама говорит:

— То-есть как кое-кто? Из записки видно, что к тебе сейчас мой муж зайдет. Хорошенькое дело! Уйти в такую минуту. Да я, может, желаю посмотреть, как этот подлец переступит порог этого вертепа.

Молодой человек, у которого попросту испортилось настроение от всех эти передраг, хотел было

уйти от греха, но наша дама, в пылу раздражения, не велела ему уходить.

Она сказала:

— Вот сейчас явится мой муж, и тогда мы разрубим этот запутанный узел.

Услышав слова, близкие к лексикону военной жизни, артист, найдя шапку, стал уже более энергично прощаться и уходить. Но тут между подругами произошла перебранка и спор относительно его самого: надо ли ему уходить?

Сначала обе подруги хотели его оставить до прихода мужа как вещественное доказательство. Первая, — чтобы показать мужу, что за птица ее подруга, допустившая их в свою комнату, вторая, — чтоб показать, какова его жена.

Но после этого мысли у них переменились. Подруга вдруг не захотела себя компрометировать, а жена не пожелала упасть в глазах мужа. И, на этом сговорившись, они велели нашему артисту моментально поскорей уйти.

И только этот последний, довольный таким оборотом, стал прощаться, как вдруг снова раздался стук в дверь. И голос мужа произнес:

— Дорогая Соня, это я! Откройте!

Тут произошла некоторая паника и замешательство в комнате.

Артист драмы моментально поник духом и, находясь в страшной тоске, хотел было прилечь на диван, чтоб притвориться больным или умирающим, но во-время подумал, что как раз в подобном положении по нем и могут скорей всего открыть огонь.

И в силу этого он стал мотаться по комнате, задевая за все ногами и производя страшный шум и грохот.

Пришедший муж, находясь за дверью, крайне удивился задержке и грохоту и начал уже более энергично колотить в дверь, думая, что в комнате происходит что-нибудь особенное.

Тогда подруга говорит артисту:

— Вот эта дверь ведет в комнату моего соседа. Я вам сейчас ее открою. Пройдите туда и оттуда дуйте в коридор и на лестницу. Горячий привет!

И сама поскорей открывает крючок на двери и велит артисту побыстрее уйти, тем более, что пришедший муж, услышав в комнате шум, стал срывать дверь с петель, чтоб войти в комнату. Тогда наш артист пулей вбежал в соседнюю комнату и хотел было уйти в коридор, как вдруг заметил, что дверь в коридор была закрыта с той стороны, повидимому, на всякий замок.

Артист бросился было назад, чтоб сказать двум дамам о том, что он в критическом положении: дверь закрыта, и ему не пройти. Однако уже было поздно.

В ту комнату был впущен муж, и там поднялся разговор, при котором появление артиста было бы крайне нежелательным. Тогда артист, как человек неуравновешенный, моментально ослаб от множества событий и, почувствовав крайний физический упадок и головокружение, прилег на кровать, полагая, что он тут в полной безопасности.

И вот он лежит себе на кровати и думает разные отчаянные мысли: о том, о сем и в частности о

вздорности любовных порывов. И вдруг слышит, как кто-то гремит замком в коридоре. Кто-то такое, одним словом, возится около двери и, должно быть, сейчас войдет в комнату.

И вдруг дверь действительно открывается, и на пороге показывается человек с корзинкой пирожных из Торгсина.

Увидев человека, лежащего на его кровати, пришедший раскрывает рот от удивления и, мало что понимая, хочет захлопнуть за собой дверь.

Артист начинает извиняться и лепетать разные слова, и вдруг он с ужасом видит, что вошедший хозяин комнаты есть не кто иной, как тот человек, с которым он утром побранился и в которого он плюнул с площадки трамвая.

Не рассчитывая унести ноги, наш артист снова, как малолетний ребенок, ложится на кровать, думая,

что это в крайнем случае только сон, который сейчас пройдет, и тогда наступит великолепная жизнь, без всяких особых неприятностей и передряг.

Вошедший, у которого удивление пересилило гнев, говорит жалобным голосом:

— Да что ж это такое, господа? Ко мне сейчас знакомая придет, а тут, глядите, какое-то мурло расположилось в моей комнате. Как же он в нее вошел? В запертую комнату?

Артист, видя, что ему рук не ломают и его не бьют по сопатке, говорит с душевным под'емом:

— Ах, пардон! Я сию минуту уйду. Я только на секундочку прилегу отдохнуть... Я не знал, что это ваша кровать... У меня голова закружилась от множества событий...

Тут хозяин комнаты, у которого гнев снова пересилил удивление, стал кричать:

— Но это безобразие! Он, глядите, вперся с ногами на мою кровать. Да я, может быть, знакомым своим не разрешаю с ногами находиться. Это что за новости! Какой подлец!

И он подбегает к артисту, хватая его за плечи и буквально вытряхивает с кровати. И вдруг замечает, что личность артиста уже ему знакома по утреннему происшествию.

Тут наступает небольшая пауза.

Хозяин, мало чего понимая, говорит:

— Ах, вот когда ты мне попался, рыбий глаз!

И хочет его схватить за горло. Но в это время раздается нежный стук в дверь.

Хозяин говорит:

— Ну, скажи спасибо, что ко мне дама сейчас пришла, которую я жду. А то бы я с тебя сейчас размазню сделал.

И, взяв артиста за воротник, тащит его к двери, чтоб выпихнуть его в коридор как тряпку, на что артист вполне соглашается и даже доволен.

Но вдруг открывается дверь, и на пороге комнаты появляется довольно интересная дама, которая пришла в гости к хозяину и явилась в некотором роде как бы спасительницей нашего пресловутого артиста.

Однако наш артист при виде дамы просто попятился назад от изумления и даже закачался, поскольку эта вошедшая дама была его супругой.

И в смысле совпадения это было, действительно, нечто поразительное.

Тут наш артист, крайне молчаливый за последние два часа, начал просто орать и буянить, требуя от жены объяснений, что значит это таинственное посещение.

Жена начала плакать и рыдать и говорить, что это ее сослуживец и что она действительно иногда к нему заходит попить чаю с пирожными.

Сконфуженный сослуживец сказал, что теперь, поскольку они квиты, они могли помириться и втроем выпить чаю... На что актер разразился такой неистовой бранью и криками, что жена впала в истерику. А ее сослуживец снова полез драться, почувствовав оскорбление за плевков. И тогда все соседи прибежали поглядеть, что у них тут делается.

романов нет, и он всецело погружен в работу, но с Сонечкой он, впрочем, иногда встречается, и в выходные дни он нередко ездит с ней за город.

Вот какие иногда бывают случаи на любовном фронте.

1934 г.

СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ

Вот, извольте, рассказ о том, как в наше время одна любовь была куплена за деньги и что из этого получилось.

А жила в Ленинграде одна вообще дамочка, дочка одного богатого инженера.

Или он не был инженер, а был подрядчик, — сейчас это хорошо не известно. Только факт, что он строил частные дома и при этом неизмеримо разбогател. Ну, может быть, там хапнул или вообще украл, я не знаю.

Вот он чертовски разбогател (а было это в начале нэпа) и, разбогатевши, стал, конечно, приобретать разные ценные вещицы: разные там картины, ковры, лампы, одеяла. При этом у него имелись золотые монеты царской чеканки, бриллианты и вообще чортова уйма всякого добра и костюмов.

Конечно, неизвестно, что случилось бы с ним в наши дни, но он, будучи неглупым человеком, своевременно, в 1924 году, умер со спокойной улыбкой на устах. Дескать, эх вы, дураки, дураки, не знаю, как вы, а я прилично нажил и дочке все передаю.

И сам, как говорится, сыграл в ящик.

А дочка у него была, ну, вообще малоинтересное существо, такая вообще барышня — ни то ни се. Ну, вообще ходит, сидит, говорит и кушает, но к поэзии не имеет склонности и на рояле играть не может.

Без своего богатства, ей, конечно, ноль цена, но, поскольку у нее было богатство, за ней мужчины сильно волочились и даже три раза подряд женились на ней, но все как-то неудачно. И даже за ней один доктор ухаживал. Но будучи политически грамотным человеком, он не придавал значения ее богатству, понимая что это есть нечто кратковременное, без чего хочет обойтись социальная революция. Он несколько поухаживал за ней и, предвидя неприятности, ушел в кусты.

Но тут она знакомится с одним инженером. Такой интересный, красавец, тоняга, одевается. Такой вообще педант и любимец женщин. Душистый платок в кармане, какие-то запонки, еще что-то такое. И при этом имеет имя Лютик.

Вот этот молодой любимец посещает нашу даму, Лену Григорьевну, и видит у нее несметное количество ценного барахла. И вот, распалившись на это добро, он кружит дамочке голову и однажды говорит ей, мол, не хотите ли вы быть моей женой.

А эта дура, влюбленная в него как кошка, трясется от радости и говорит: «Ах, я твоя навеки».

Вот он, не будь дурак, женится на ней поскорей, чудно живет, восторгается жизнью, закусывает по пять раз в день и думает: «Вот так устроился».

Он пересезжает в Детское село, в собственный дом, и вдруг примечает, что дамочка-то ему малоинтересна. Никакой такой любви у него к ней не имеется, и даже ему неохота находиться с ней рядом и дышать тем же воздухом.

«Разводиться, думает, мне с ней в высшей степени глупо, но я, думает, зевать не буду».

И вот он заводит разные флирты, разные любовные похождения. Живет там на полный ход с какой-то невероятной красавицей. При этом с ней кутит и выпивает и бросает к ее ногам разные мелкие ценности.

Домой приезжает, как говорится, еле можаху, но при этом делает вид, будто он чересчур утомился строительством и делами и поэтому не может даже беседовать со своей супругой.

— Я, говорит, извиняюсь, не могу попрежнему подолгу разговаривать с вами на разные темы и тем более любсваться вами, поскольку от усиленных занятий у меня изменился характер и я потерял некоторую живость своего темперамента.

И при этом он стал при ней притворяться: ходит сторбившись, охает, харкает лишней слюной и прикрывается двумя одеялами. А у самого морда цветущая и здоровье — лучше не надо.

В довершение всего он подговорил одного знакомого, врача Орлова, чтобы тот нашептал Елене Григорьевне разные устрашающие слова. И дал ему для этого некоторую сумму денег.

Вот врач приезжает, ахает, восклицает, говорит Елене Григорьевне:

— Да. Это да. Охо-хо! Такое молодое, цветущее существо, а здоровье у него в высшей степени поганое. Вы его берегите и не волнуйте. Пущай он лучше всего спит в отдельном кабинете. И ваше дамское дело — исполнять все его капризы и требования.

Вот эта дура немислимо рыдает, ходит на цыпочках и ничем не тревожит своего супруга, которого попрежнему любит и обожает.

И так проходят год и два. И, наконец, три. И проходит пять лет, и дело приближается к нашим дням.

И вот наступает 1933 год.

И вот раз, однажды, приходит до Елены Григорьевны ихний сосед. Такой счетовод Федотов. Такой вообще счетоводишка — дурак, фанфарон и мелкая личность.

Чего-то они разговорились о том, о сем (а Лютика не было дома), а Елена Григорьевна говорит:

— Знаете что, мне нынче скучно. Поедте в ресторан. Я буду платить, а вы не беспокойтесь. Послушаем музыку, скушаем по цыпленку и провернем интересно время.

Этот прохвост счетоводишко Федотов говорит:

— Ах, очень рад.

Вот они едут в Ленинград. Заходят в «Асторию». Ковры. Столики. Играет оркестр. Танцуют великолепные пары. А этот болван Федотов одет, наверное, в свой серый пиджачок, небритая морда, галстук, наверное, свернулся на сторону. Ай-я-яй!

Вот они садятся за столик, заказывают себе цыплят и так далее. И вдруг Елена Григорьевна видит:

что такое — фантазмагория. Она видит: ее супруг Лютик танцует, сволочь, шимми с какой-то бабулей.

Ах, она ничего не сказала и не вздрогнула. Она только встала из-за столика и пошла к выходу, будто с ней приключилось нехорошо и ей надо пойти в уборную.

А ее счетоводишка Федотов, видя, что сумочка с деньгами на столе, не стал тревожиться. «Она, думает, навряд ли сбежала. А, в крайнем случае, я два цыпленка с'ем».

Вот Елена Григорьевна летит моментально домой. И по дороге ей полностью раскрывается вся чудовищная картина. Ей сразу стало все ясно, и какой обман она имела в течение семи лет.

Она летит домой. Сразу роется в его письменном столе. Вытаскивает разные письма и записочки и читает это все побелевшими губами. И видит: да, обман налицо и он не поддается описанию.

Она находит разные дамские письма. Она читает в них поэтические слова о том, о сем: «Уважаемый Лютик»... «Ты мой бог»... «Целую вас»... «Ах, ах»... И все такое.

Она восклицает «Ох!» Падает не надолго в обморок, но потом берет себя в руки и говорит себе: «Я, кажется, полюбила подлеца».

Нет, она ничего не говорит ему, когда он на другой день приезжает. Она только нервно ходит по саду, нетерпеливо рвет листочки с деревьев и шепчет: «Вот так да!»

А этот подлец Лютяк, не привыкши видеть ее такой, приходит от этого зрелища в содрогание и говорит себе: «Это, кажется, я перехватил через край. Семь лет я обманываю эту дуру и даже не живу с ней. А в силу ее любви ко мне я, кажется, закрываю ей доступ к интересам жизни».

И тогда он, у которого нежные побегии совести еще не совсем завяли, приходит в сад, садится с ней рядом на скамейку и так говорит ей:

— Сердечный привет, Елена Григорьевна. Я хочу вам нынче рассказать кое о чем. Вот, знаете, какое дело...

И начинает он рассказывать, как это было.

— Да, говорит, я не жил с вами семь лет в силу обмана. Но я не желаю больше заедать вашу жизнь. Каждое живое существо имеет право на чью-то любовь и ласку, и вы используйте этот закон природы.

Она говорит:

— Это хорошо, что вы мне сказали. И, поверьте, мне очень дороги нежные побегии вашей совести. Но я, говорит, и без того все это знала.

Он сильно удивляется, а она продолжает:

— Что же касается ваших слов насчет любви и ласки, то я, говорит, не такая уж дура, как вы думаете. Любовь и ласка у меня бывали, и вы напрасно меня жалеете и считаете за придурковатую, думая, что я только на вас и глядела.

Тогда он в страшном гневе встает со скамейки и говорит:

— Как понимать ваше выражение? Значит, вы дрянная такая, цацкались с другими и имели, кажется,

любовников, или, говорит, я чего-то не понимаю. Отметьте мне их имена, или я сам за себя не отвечаю.

Она называет ему семь различных имен и в числе их упоминает фамилию Федотов и фамилию Орлов.

От этих двух фамилий Лютик приходит в содрогание и падает на скамейку.

Он говорит:

— Тогда я дурак, что вам рассказал. Вы, говорит, есть проявление всей человеческой подлости. И мое презрение к вам не позволяет мне находиться с вами рядом. Я, говорит, от вас уезжаю. До свиданья.

Он думал, что она будет его умолять, но она, почувствовав силу своего богатства, говорит:

— Очень великолепно. А то я и сама хотела вам это предложить.

Он плюет на цветы, на клумбу, на скамейку и на

нее и, взбешенный, собрав свои чемоданы, моментально уезжает в Ленинград.

А она смеется и говорит:

— Валяй, валяй, я, говорит, за свои деньги почище тебя видала.

Вот он уезжает к своей невероятной красавице, которая, видя, что он приехал налегке и не может теперь иметь такой комфорт жизни, вскоре расстается с ним.

А он тогда женится на одной зажиточной певичке, которая выступает на концертах по пять раз в день и имеет право на хорошую жизнь.

Что касается Елены Григорьевны, то она вскоре выходит замуж за дурака Федотова.

А тот по странному совпадению, прожив с ней полгода и не зная подробностей о предыдущем муже, стал тоже чего-то жаловаться на свое здоровье, но Елена Григорьевна, засмеявшись, сказала:

— Ну, что ж, давайте расстанемся.

На что тот, почти моментально поправившись, стал повсюду бывать с ней, и жизнь их потекла по установленным правилам.

Они часто выезжают в рестораны. Она, уставшая от житейских бурь, слегка постарела и, сидя за столиком, презрительно поглядывает на мужчин. А болван Федотов, кушая цыплят и утей, в свою очередь с тоской поглядывает на молоденьких баб, которые там и сям расположены в ресторане.

Неимоверные траты денег заставили Елену Григорьевну сильно распатрониться. Она беззастенчиво

стала продавать золотые монеты царской чеканки. И вскоре на этом засьпалась.

У нее сделали обыск и нашли массу не сданных по закону ценностей.

Недавно выслали ее на жительство в город Арзамас.

А подлец Федотов от этих дел отбоярился. Он сказал: «Я не я, и супруга не моя, и насчет денег я понятия не имел: я любил ее бескорыстно».

Тем не менее, снедаемый такой любовью, он за ней в Арзамас не поехал.

Так пожелаем же ей счастливого пути и спокойной жизни в Арзамасе, где она, наверное, будет конторщицей и где она получит те чувства, которые она заслуживает без своего богатства.

Счастливый путь!

КАКИЕ У МЕНЯ БЫЛИ ПРОФЕССИИ

Я не знаю, сколько есть разных профессий. Один знакомый интеллигент мне сказал, будто всего на земном шаре триста девяносто профессий.

Ну, это он, конечно, перехватил, но, вероятно, все же около ста профессий имеется.

Нет, все сто профессий я не имел, но вот пятьдесят профессий я действительно испытал.

И вот перед вами человек, который испытал на себе пятьдесят профессий.

Интересно, кем я только ни был!

Нет, я, конечно, не был там каким-нибудь экономистом, химиком или там пиротехником, скульптором и так далее. Нет, я не был академиком или там профессором анатомии, алгебры или французского языка. Я не скрою от вас: я не занимал разные интеллигентские посты, не смотрел в подзорные трубы, чтоб видеть разные небесные явления, планеты и кометы, не шлялся по шоссе с такой, знаете, маленькой трубочкой на треножке для измерения высоты поверхности. Не строил мосты или там здания для посольства. И не затемнял свой рассудок математическими вычислениями количества белых шариков в крови.

Да, эти профессии, не скрою от вас, я не испытал. Мне не хватало для этого всей высоты образования и знания иностранных языков. Тем более, что до революции я был малограмотный господин: читать мог, но писать уже не всегда осмеливался.

И через это, конечно, к сожалению, не могу вам ничего рассказать про такие возвышенные профессии, которые основаны там на науке, или там технике, или медицине.

Хотя должен вам сказать, что с медициной я сталкивался и даже одно время был врачом. Меня избрали на этот пост свои же полковые товарищи вскоре после Февральской революции.

Я тогда служил в царской армии и был рядовым ефрейтором.

Вот после революции ребята мне и говорят:

— У нас полковой врач — такая, извините, холера, что никому почти освобождения не дает несмотря на Февральскую революцию. Очень бы хотелось его заменить. Вот бы, говорят, хорошо, если бы вы согласились на эту должность. Тем более, говорят, все должности сейчас выборные. Вот мы тебя и выбрали.

Я говорю:

— Отчего же? Конечно, выбирайте. Я, говорю, человек, понимающий явления природы. Понимаю, что после революции ребятам хотелось бы смотаться по домам и поглядеть, как и чего. Керенский, говорю, этот артист на троне, завертел волынку до победного конца. И полковой врач ему в дудочку подыгрывает и нашего брата не отпускает. Выбирайте меня врачом — я вас почти всех отпущу.

Вот вскоре после того сменяют командира полка, сменяют подряд офицеров и нашего пресловутого медика. И на его место назначают меня приказом.

Работа оказалась, конечно, трудная и, главное, бестолковая.

Едва послушаешь больного в трубку, как он хнычет и отпрашивается домой. А если его не отпускаешь, он очень на врача наседает и чуть не хватает его за горло.

Профессия совершенно глупая и небезопасная для жительства.

А если больному дашь порошки, он их жрать не хочет, а швыряет порошки врачу в лицо и велит писать увольнительную.

Ну, для формы спросишь: «Какая у тебя болезнь?» Ну, больной сам, конечно, назвать болезнь не может и тем самым ставит врача втупик, поскольку врач не может все болезни знать наизусть и не может писать в каждой путевке только: брюшной тиф или там вздутие живота.

Другие, конечно, говорят:

— Пиши, чего хочешь, только отпусти, поскольку душа болит: охота поглядеть на домашних.

Ну, напишешь ему: «Душевная болезнь» — и с этой диетой отпускаешь.

Но вот вскоре надоедает мне эта бестолковая профессия. И вот пишу я сам себе путевку с обозначением: «Душевная болезнь первой категории».

Выезжаю с фронта и, значит, на этом заканчиваю эту свою профессию.

После судьба кидает меня в разные стороны —

туда и сюда как, извините за сравнение, скорлупку в бурном море.

Я делаюсь милиционером. После слесарем, сапожником, кузнецом. Я подковываю лежащих лошадей, дою коров, дрессирую бешеных и кусачих собак. Играю на сценах. Поднимаю занавес. И так далее, и тому подобное, и прочее.

При этом снова год нахожусь на фронте в Красной армии и защищаю революцию от многочисленных врагов.

Снова освобождаюсь по чистой. Занимаю должность инструктора по кролиководству и куроводству. Становлюсь агентом уголовного розыска. Делаюсь шофером. И по временам пишу критические отзывы и острые дискуссионные статьи относительно театра и литературы.

И вот перед вами человек, который имел в своей жизни пятьдесят, а может, даже и больше профессий.

Некоторые профессии были у меня странные и удивительные.

Была у меня до революции одна очень такая странная профессия.

А был я тогда в Крыму. И служил в одном имении. Там было четыреста коров, масса коз, много курей и до чорта баранов. Все это создавало почву для развития сельскохозяйственного дела.

И вот меня нанимают туда пробольщиком.

Одним словом, в мою обязанность входит пробовать качество масла и сыра.

Это масло и сыр отправлялись на пароходе за-

границу. И надо было все это пробовать, чтоб мировая буржуазия не захворала от недоброкачественного товара.

Конечно, дай вам попробовать масла или сыру, вы, небось, не откажетесь. Но если, предположим, пробовать эту продукцию с утра и до вечера, и ежедневно, и целый год, то вы волком завоюете и свет перед вами померкнет.

Нет, я не был специалистом по этому делу. И совершенно случайно попал на эту профессию.

Мне тогда было двадцать три года. Все было тьфу и трын-трава. И я тогда шлялся по крымским дорогам, надеясь где-нибудь найти работу.

И вот иду по дороге и слышу: молочным хозяйством пахнет. А тут тем более я не ел два дня. И вот взял и пошел на этот приторный запах. Думаю, подкараулю какую-нибудь корову, подою маленько и тем самым подкреплю свои ослабшие силы.

Вижу: за забором сарай. Наверно, думаю, там коровы. Перемахнул через забор. Захожу в сарай. Вижу: там не коровы, а круги сыра лежат. Только я хотел стибрить кусок сыру — вдруг управляющий идет.

— Ты, говорит, что, из наших рабочих?

Нет, я особенно не смутился. Думаю: «Успею дать тигалья, тем более, кругом народу нету и забор близко». И поэтому отвечаю с некоторым даже нахальством:

— Нет, не из рабочих, но имею мечту на нечто подобное,

Он говорит:

— А к примеру, зачем же ты в руку сыр взял?

Я говорю не без нахальства:

— Хотел, знаете, этот сыр попробовать: сдается мне, что он кислват на вкус. Не умеете делать, а беретесь.

Вижу, управляющий даже растерялся от моих слов. Даже видать, что не понимает, что к чему.

Он говорит:

— Как это? Почему кислват? Ты что, каналья, специалист, что ли, по молочному хозяйству?

Я думал, он шутит, чтоб себя разозлить, с тем чтобы покрепче меня ударить. И говорю:

— Вы угадали. По молочному хозяйству я есть первый специалист города Москвы. И мимо этих молочных продуктов не могу пройти, чтобы их не попробовать.

Вдруг управляющий улыбается, жмет мне руки и говорит:

— Голубчик!

Он говорит:

— Голубчик, если ты специалист, то я тебе дам преогромное жалованье, только сделай милость, становись скорей на работу. Тут наднях заграничный пароход приходит, надо груз отправлять, а рассортировать товар и его попробовать некому. И сдается мне, что иностранные покупатели наглоются негодных продуктов и после неприятностей не оберешься. А у меня как на зло один специалист холерой заболел и теперь категорически не хочет ничего пробовать.

Я говорю:

— Пожалуйста. А что надо делать?

Он говорит:

— Надо попробовать шестьсот двадцать бочек масла и тысячу кругов сыру.

У меня даже желудок задрожал от голоду и удивления, и я отвечаю:

— Пожалуйста. Об чем речь? Принесите мне буханку хлеба, и я сейчас к этому приступлю с огромной радостью. Я, говорю, давно мечтал именно такую профессию себе найти: пробовать то и се.

И сам в душе думаю: «Нажрись доотвалу, а там пушай из меня лепешку делают. И, небось, не сделают, убегу на своих сытых ногах».

— Ну, говорю, несите поскорей буханку, я очень тороплив в работе. Если мне что загорится, мне сразу вынь и положь. Несите хлеб, а то я прямо соскучился без этой своей профессии.

Вижу, управляющий глядит на меня с недоверием.

Он говорит:

— Тогда я сомневаюсь, что ты есть лучший в мире специалист по молочному хозяйству. Молочные продукты пробуют без хлеба и без ничего, иначе не узнаешь, какой именно сорт и какой вкус.

Тут я вижу, что засыпался, но говорю:

— Это я сам знаю. И вы есть толстобрюхий дурак, если не понимаете. Я хлеб не для еды буду употреблять, а мне надо соприкасать эти два продукта, в силу чего я увижу окисление и тогда, попробовав, не ошибусь в расчете, какая там есть порча. Это, говорю, есть последний заграничный метод. Я, го-

ворю, удивляюсь на вашу серость и отсталость от Европы.

Тут меня торжественно ведут туда и сюда. Записывают. Одевают в белый балахон и говорят: «Ну, пойдем к бочкам».

А у меня от страха душа в пятках, и ноги еле двигаются.

Вот пошли мы к бочкам, но тут на мое счастье вызывают управляющего по спешному делу. Тут у меня на сердце отлегло. Я говорю рабочим:

— Выручайте, братцы, то есть ни черта не понимаю в этом деле. Хотя укажите поскорей, чем пробовать масло: пальцем или особой щепочкой.

Вот рабочие смеются надо мной, умирают со смеху, тем не менее рассказывают, чего надо делать и, главное, чего говорить.

Вот управляющий приходит — я ему прямо затемнил глаза. Говорю разные специальные фразы, правильно пробую. Вижу, человек даже расцвел от моей высокой квалификации.

И вот к вечеру, нажравшись доотвалу, я решил не уходить с этого хлебного места. И вот остался.

Профессия оказалась глупая и бестолковая. Надо пробовать масло особой такой тонкой ложечкой. Надо подковырнуть масло из глубины бочки и пробовать его. И чуть маленько горечь, или не то достоинство, или там лишняя муха, или соль, — надо браковать.

Ну, сразу, конечно, я не понимал разницы: каждое масло мне чересчур нравилось, но после кое-чему

научился и стал даже покрикивать на управляющего, который чересчур был доволен, что нашел меня. И даже написал своему владельцу письмо, где наплел про себя разные истории и просил себе надбавку за отличные дела.

Так вот, конечно, первые дни мне профессия нравилась. Бывало, отхватишь сыру да навернешь масла и думаешь: «Лучше работы и не бывает на земном шаре».

После вижу, что-то не того.

Через две недели я начал страдать, вздыхать и мечтал уже с этим расстаться.

Потому за день напробуюсь жиров — и глаза ни на что не глядят. Хочешь чего-нибудь скушать, а душа не принимает. И внутри как-то тошно, жирно. Никакая пища не интересна, и жизнь кажется скучной и бестолковой.

И при этом еще строго запрещалось пить. Никакого вина или там водки нельзя было в рот брать. Потому алкоголь отбивает вкус, и через это можно натворить безобразных делов и перепутать качество.

Короче говоря, через две недели я ложился после работы вверх брюхом и неподвижно лежал на солнце, рассчитывая, что горячее светило вытопит у меня лишний жир и мне снова захочется ходить, гулять, кушать борщ, котлеты и так далее...

А был там у меня в этих краях один приятель. Один прекрасный грузин. Некто Миша. Очень чудный человек и душевный товарищ. И был он тоже

дегустатор, пробольщик, но только в другом деле: он пробовал вино.

Там в Крыму были такие винные подвалы — удельного ведомства. Вот там он и пробовал.

И профессия его чересчур бестолковая была даже хуже моей.

Ему даже кушать не разрешалось. С утра до вечера он пробовал вино и только вечером имел право чего-нибудь покушать.

Меня мучило от жиров, и в рот ничего не хотелось взять. И выпить не разрешалось. И аппетита не было.

А у него наоборот: его распирало от вина. Он с утра насосется разных крымских вин и еле ходит, и прямо свет ему не мил.

Вот в другой раз встретимся мы с ним вечером — я сытый, он пьяный — и видим: наша дружба ни к чему. Говорить ни о чем не охота. Он хочет кушать, я, наоборот, хочу выпить. Общих интересов мало, и вкус во рту мерзкий. И сидим мы вроде как обалделые и в степь глядим. А в степи ничего. А над головой — небо и звезды. А где-то, может быть, идет жизнь, полная веселья и радости...

Вот я ему однажды и говорю:

— Надо, говорю, уходить. И хотя у меня контракт до осени, но я, безусловно, этого не выдержу. Я отказываюсь кушать масло. Это унижает мое человеческое достоинство. Я смотаю удочки, стибрю круг сыру — и только меня толстобрюхий управляющий и видел.

Он говорит:

— До осени уходить не расчет. Работы сейчас не найти. А надо нам с тобой чего-нибудь такое оригинальное придумать. Дай срок — я подумаю, голь на выдумки хитра.

И вот однажды он мне и говорит:

— Знаешь чего: давай временно поменяемся профессией. Давай я буду пробовать масло, а ты временно пробуй вино. Неделю или две поработаем так, а после опять поменяемся. А потом опять. Вот оно и получится у нас какое-то равновесие. И, главное, отдохнем, если они, черти, не дают отпуска, а заставляют без отдыха жрать и пить.

Я очень радуюсь этим словам, но выражаю сомнение, что наши управляющие захотят этого.

Он говорит:

— Это я берусь уладить.

И вот берет он меня за руку и ведет к своему управляющему по винной части.

— Вот, — говорит, — этот низенький опытный господин смело может меня заменить на две недели. Тут ко мне тетка из Тифлиса приехала, и я интересуюсь ее повидать. А он за меня будет пробовать и соблюдать ваши интересы.

Управляющий говорит:

— Ладно. Покажите ему, какие тут вина и как чего надо делать. И через две недели возвращайтесь. А то мы натворили тут делов. Вместо столового вина взяли «Аликота» в Москву отправили. Чистое безобразие.

Вот тогда я в свою очередь беру Мишу за руку и веду его к своему толстобрюхому управляющему:

— Вот, — говорю, — этот высокий опытный господин смело может заменить меня на две недели. Тут ко мне тетка из Тифлиса приехала, я интересуюсь ее повидать и покалякать с ней о разных разностях.

Управляющий говорит:

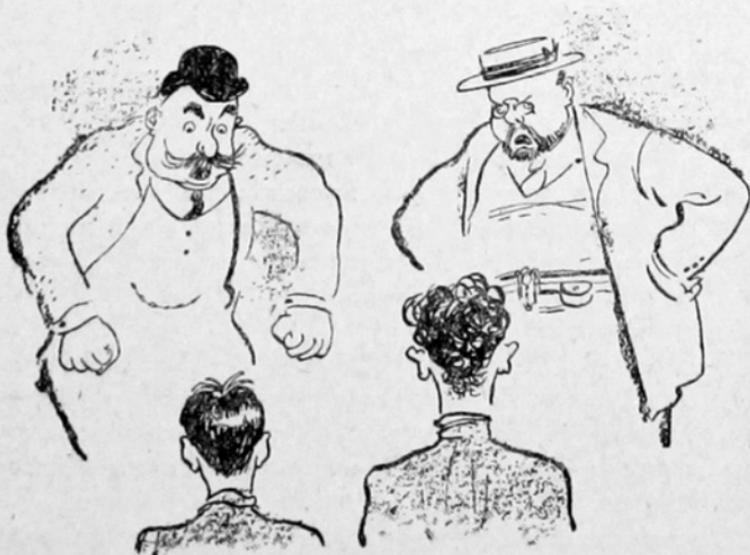
— Ладно. Покажите ему, как и чего, и через две недели приезжайте. А то и так у нас беспорядок. Вместо сливочного масла мы отправили в Персию сметану. Персы могут обидеться и не захотят ее кушать.

Вот стали мы на свою новую работу.

Я пробую вино. А Миша пробует масло.

Но тут с нами происходит чушь и неразбериха.

В первый же день Миша наедается масла и сыру до того, что заболевает судорогами. А я с первых

же двадцати глотков от непривычки пить до того захмелел, что подрался с мишиным управляющим. И хотел его в винную бочку поковырнуть за то, что он сказал плохие слова про моего приятеля.

Тут на другой день мне дали по шапке и велели убираться.

И Мише дали расчет и тоже велели убираться.

Вот встречаемся мы с ним и смеемся. Думаем: наплевать. Отдохнули пару дней и теперь снова можем приняться за свое ремесло.

Но тут случается так, что оба наши управляющие снюхались и узнали наш обман: и какие у нас две недели, и какая у нас тетка в Тифлисе, и какой у нас опыт.

Оба они призывают нас, кричат страшными голосами и велят убираться.

Нет, мы особенно не горевали. Я взял круг сыру, а Миша вина. И всю дорогу мы шли и пели песни. А после устроились на другую работу.

А вскоре разразилась война. Потом революция. И я потерял своего друга из виду.

А недавно узнаю, что он проживает на Кавказе.

И я мечтаю к нему поехать. Мечтаю встретить его, поговорить и сказать ему: «Молодец!»

Ох, он, наверное, обрадуется, когда увидит меня. Тоже, может быть, скажет мне: «Молодец!» И велит подать лучший шашлык.

Тут мы с ним будем кушать и вспоминать, кем мы были и кем стали.

1933 г.

4 Забавное приключение

НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Комедия в I действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Заведующий кооперативом.

Работник прилавка.

Счетовод. Кассирша.

Дворник. Милиционер.

Помещение кооператива. Полутемно. На прилавке стоит фонарь. На полу расстелено одеяло, на котором положены продукты. Дворник (он же ночной сторож), осторожно шагая и прислушиваясь, берет с полки несколько пачек папирос и кладет их на одеяло. Открыто полуподвальное оконце, в которое влез дворник.

1

Дворник (*успокаивая себя*). Нет, рази это кража, граждане? Кража—это когда, одним словом... воруют, крадут и там целые кассы ломают. Или там народ убивают к чорту. Тогда это да, кража. А это —

тьфу, а не кража. Ну, зашел ночной сторож в кооперацию, ну, и взял человек *(берет несколько селедок из бочки)* самую малость... *(Кладет к своим краденым продуктам)*. Подумаешь! От этого государству убытку нет. Государству это раз плюнуть и растереть. *(Завязывает свой узел)*. Нет, погоди, — колбаса. Охота колбаской побаловаться. *(Берет круг колбасы)*. Другой там ночной сторож влезет в кооперацию — такой зверь-бандюга — так он, небось, миндальничать не будет. Вроде меня. Он нипочем один круг колбасы не возьмет. Он возьмет, сволочь, три круга. *(Берет три круга колбасы)*. А то и четыре... А я вот три возьму, — и мне хватит. Я совесть понимаю. Я государство без товару не оставлю, как другие. Я позволяю государству торговать. *(Заворачивает в платок. Прислушивается)*. Ой, надо поспешать. Другой сукин сын попадет сюда — ого-го. Он тебе навернет. *(Смотрит, чего бы взять)*. Он если чего и не возьмет, так половину сожрет, скотина. *(Жрет сахар. Пихает его по карманам)*. Рази это кража, граждане? Это одно выражение слов, что кража. *(Берет узел с продуктами)*. Это голубиная порция. Поскольку я совесть понимаю... Это благодаря меня, может, три человека меньше в очереди будут стоять. Это, может, есть мое благодеяние. Ой, надо поспешать. *(Подходит к оконцу. Кладет наверх узел с продуктами. Потом сам лезет)*. Холера-заведующий, небось, расстраиваться будет. Ай, скажет, уперли? Ай, скажет, кража? Оно, конечно, честному человеку это видеть неинтересно. Ой, никак идут? *(Исчезает)*.

2

Заведующий (*открывает дверь, зажигает свет*). Нет я, Иваныч, люблю на работу пораньше притгтить.

Работник (*лебезит*). Меня, Василий Федорович, прямо оторопь берет: какой вы есть гениальный ответственный работник. Очень вы, как бы сказать, честный человек. Завсегда первый на своем боевом посту.

Заведующий (*томно*). Да ну, что ты, Иваныч...

Работник (*не замечая разгрома*). Истинная правда, Василий Федорович. Какой-то вы, знаете, какой-то такой... Не подлец, одним словом.

Заведующий (*елейно*). Я, Иваныч, для общего блага стараюсь. Если бы для себя, я бы, может, и не стал так с нагрузкой работать.

Работник. Это да... Это, конечно... Это определено...

Заведующий. Ну, а для общего блага я должен постараться.

Работник. Это да... Это, конечно... Это определено для общего блага... Мы все через это стали какие-то такие, какие-то не от мира сего, какие-то такие, одним словом...

Заведующий. Конечно, Иваныч, мы для себя не наживаем. Это не капитализм... Наше дело — общее дело.

Работник. Это да... Это, конечно... Это опреде-

ленно. Об себе ни черта не думаем. Только бы об других.

Заведующий. Нет, Иваныч, что-то ты политически неверно выражаешься... А кто есть другой... Другой — это мы сами.

Работник. Это да... Это, конечно... Это мы сами. Я же говорю. Об других ни черта не думаем. Тольки бы об себе.

Заведующий. Такая работа, когда об себе не думаешь, конечно, облагораживает человека, Иваныч. Человек делается честный, возвышенный.

Работник. Да, уж возвышенности своей мы не теряем, Василий Федорович. Отыми от нас возвышенность, и от нас ни черта не останется.

Заведующий. Один пар да дым останутся. *(Снимает калоши)*.

Работник. Ой, Василий Федорович...

Заведующий. Ну?

Работник. Ой, Василий Федорович, чтой-то...

Заведующий *(видит разгром)*. Ну? Чего это?

Работник. Кража, Василий Федорович!

Заведующий. Братцы мои! Беги, Иваныч... Зови милицию! Братцы мои, что же это? Смотрите-ка... *(Кричит)*. Милиция!

Работник *(кричит)*. Милиция! *(Убегает)*.

Заведующий. Вот так да! Вот так штука!

Вбегает счетовод кооператива.

3

Счетовод. Ну?.. Говорят, кража у нас, Василий Федорович?

Заведующий. Эвон, погляди. Полюбуйся. Народное имущество к чорту разворовали. Нет, бывают же такие подлецы, у которых руки на это самое подвертываются.

Счетовод. Кажется, огромные убытки-с, Василий Федорович?

Заведующий. Нет, украли-то, кажись, на копейку, но мне морально тяжело: какие люди бывают. А украли-то как будто сущие пустяки. Да вот сейчас милиция придет. Акт составим. Пойди позови дворника. Тоже ночной сторож — накараулил. Пущай теперь его стыд возьмет при составлении акта.

Счетовод. Сию минуту... (*Мнется*). Ах, Василий Федорович, Василий Федорович!

Заведующий. Ну?

Счетовод. Такой момент, как бы сказать, благовидный...

Заведующий. Ну?

Счетовод. Момент, я говорю, очень, как бы сказать, великолепный. Акт это самое составлять будут. Писать будут...

Заведующий. Ну?

Счетовод. Мало ли, Василий Федорович, у нас утруски, утечки. Вот бы, Василий Федорович, под это дело маленько того, как запасец, Василий Федорович... Не что-нибудь.

Заведующий. Ну, да разве что как запасец...

Счетовод (*вдохновенно*). Как запасец, Василий Федорович. Мало ли утруски, утечки. Каждый месяц неприятности. Концы не сходятся. А тут вот это самое — запасец. Ать, два, три!

Заведующий. Разве что самую малость.

Счетовод. Абсолютно самую малость, Василий Федорович. Сахару, Василий Федорович, кило пять сперли? А мы скажем, десять. Вору-то, подлецу, все равно, а у нас легонький запасец.

Заведующий. Да, вору-то, конечно, теперича безразлично.

Счетовод. Вору-то, Василий Федорович, теперь абсолютно вот как безразлично. Тут, как бы сказать, иносказательно получается. Он бы мог сахару мешок иметь, а он, балда, может, со страху взял себе две горсти. А мы тут-то — и того. Ать, два, три!

Заведующий. Да, с сахаром-то у нас завсегда операции не сходятся.

Счетовод. Я ж и говорю. Определенно не сходятся. А тут завсегда теперь сойдутся.

Заведующий. Государству-то тоже, конечно, безразлично, поскольку вор мог и больше взять.

Счетовод. Я ж и говорю: он мог бы весь кооператив взять. Очень момент благовидный. И жульничества нету, и красиво получается. Помогите, Василий Федорович, этот мешок сахару сюда поставить.

Заведующий. Да мешок-то это ты много...

Счетовод. Отчего много, Василий Федорович? В акурат. Давайте, Василий Федорович, еще один мешочек для равного счета. Мало ли — детишкам на молочишко. *(Прячут под прилавок).*

Заведующий *(жрет колбасу).* Колбасу, что ли, тоже? С колбасой у нас завсегда трудные опера-

ции. Товар чересчур нежный. Завсегда балансы не сходятся.

Счетовод. Колбаса — это сама собой. А ну, подайте мне сюда три круга.

Заведующий. Тогда пушай четыре возьми. Я к ней завсегда страсть имею. Папиросы еще, что ли?

Счетовод (*прячет папиросы*). Папиросы — это само собой.

Заведующий. Ай, это ты много.

Счетовод. А по-моему, в акурат. Товар раскурочный. Выкурил — и нет его, а после балансы на небе искать приходится. Идут, Василий Федорович.

Заведующий. А вор-то нам дурак попался.

Счетовод. Абсолютный дурак, Василий Федорович. Прямо презренная личность. Опенка.

Входят милиционер и работник прилавка.

4

Работник. Эвон, поглядите, товарищ милиция... эвон.

Милиционер. Это они ловко обработали.

Заведующий. Главное, и ночной сторож находился, и такой, как бы сказать, мизерный случай.

Работник. Он у нас в этом доме дворник и ночной сторож.

Милиционер. Тогда его позовите.

Заведующий. Вот пушай тут находится при составлении акта. Это для него будет хороший урок. Позовите дворника.

Счетовод (*вертится у кассы*). Сию минуту, Ва-

сильий Федорович. Сейчас позову. Гляжу, как тут насчет кассы. *(Берет что-то незаметно в карман. Быстро идет к выходу. На ходу чуть не сбивает с ног вошедшую кассиршу).*

5

Кассирша. Ай! Воры! *(Поднимает кверху руки).*

Заведующий. Да что ты, обалдела, мадам?

Кассирша. Ай, я думала, нас грабят.

Заведующий. Маленько запоздали, мадам. Уже ограбили.

Работник. Перепугалась дамочка.

Кассирша. Ай, ограбили? А кассу-то мою не тронули?

Заведующий. Да, кассу-то ее не тронули?

Работник. Кассу, кажись, не тронули.

Милиционер. Кассу незаметно, что тронули.

Кассирша. Ясно, что тронули. Все набор свернули. Сколько у меня бон было—теперь, вижу, меньше. Я сейчас подсчитаю.

Входят счетовод с дворником-вором.

6

Заведующий. Ты что ж так неосторожно караулишь-то, сукин сын?

Дворник *(нарочно протирает глаза, будто только проснулся, зеваает)*. Рази что случилось?

Счетовод. Спал как прохвост, еле добудился.

Работник. «Случилось»! Дрыхнут без задних ног, а государству такой нестерпимый убыток.

Заведующий. Эвон, полюбуйся.

Дворник (деланно). Ай-я-я-я-й! Ай-яй! Никак у вас кража? Скажите на милость! Вот удивление!

Заведующий. Видал?

Дворник (искусственно). Ай-я-яй! (Неумело играет роль изумленного человека. Хватает себя за голову. Берется за сердце). Ай-я-яй! Ах, какое изумление, всем на диво!

Заведующий. Вот этого вора я бы задушил собственными руками.

Дворник (испуганно). Но-но-но! (Потирает свою шею). За что же людей-то душить? Товарищ милиция...

Милиционер. Вы, что же, будете ночной сторож?

Дворник (бытовым голосом). Я-то? Конечно, ночной сторож. Обыкновенно у ворот сидел. И ничего такого лишнего не заметил. Конечно, может, вздремнул несколько.

Работник. «Вздремнул!»! Старый пес! Какие те-перича убытки государству нанесены!

Дворник. Хорошо, что, конечно, украсть много не смогли.

Счетовод. Ах, по-твоему, мало украли?

Заведующий. Это ужаси подобно, сколько украдено.

Дворник (растерянно). Я так думаю, много красть не смогли. Украли, небось, самую малость. Я... я бы проснулся.

Заведующий. А вот мы сейчас составим акт,

увидим, какая ты есть ворона, какие убытки государству нанесены.

Дворник. Чтоб много уперли, этого не может быть. Я завсегда чутко сплю.

Счетовод. Главное, много сахара украли.

Дворник. Как это — сахару? Что ты, обалдел? Эвон, тут маленько товар разворошили. Раструсили товар.

Заведующий. Пишите, товарищ милиционер.

Счетовод. Рафинаду украдено... Сейчас... По списку. Рафинаду украдено два мешка.

Дворник. К-как это, два мм-мешка? Граждане... Да что вы... об'елись?

Заведующий. Дюже крепко спал, сукин сын.

Дворник. К-как это — два мешка? Какие это два мешка? Я... я бы проснулся, ежели бы два мешка. Я завсегда ноги вдоль ворот протягиваю.

Заведующий. Вот будешь в другой раз спать! Нестерпимые убытки нанесены благодаря твоей невнимательности. Пишите, товарищ милиционер. Как у нас там с колбасными продуктами?

Счетовод. Колбасы семь кругов не хватает.

Дворник. Как семь? Сколько? Сколько? Ты что ж это, как считаешь, прохвост? Как семь кругов? Товарищ милиция... Какие семь кругов? Ай, ну что ж это?

Заведующий. Ага, расстраиваешься, горюешь? За ум схватился, когда увидел такое народное бедствие. В другой раз будешь более чутко спать.

Дворник. Как же это не расстраиваться? Такие вдруг неожиданные убытки государству нанесены.

Счетовод. Папирос не хватает... Сто шестьдесят пачек украдено.

Дворник. Сто шестьдесят пачек? Товарищ милиция... Товарищ заведующий. Господи, как же так?

Счетовод. Сто шестьдесят пачек и спичек шестнадцать пачек.

Дворник. Спички-то откуда? Откуда он, холера, спички-то взял? Товарищ милиция... Да что ж это такое?

Заведующий. Уберите этого дворника. Он за всех руками хватается. Мешает производить работу.

Счетовод. А ну, уходи, дядя, к лешему. Тебя позовут.

Милиционер. Мы тебя позовем, товарищ. Иди пока.

Дворник. Я извиняюсь... Встревожен событиями. Маленько расстраиваюсь. Волнение ударяет. Извиняюсь. Не буду.

Милиционер. Ну, пушай остается.

Работник. До чего расстраивается человек. Видать, сочувствует убыткам. А ну, посиди, дядя, а то е катушек свалишься.

Кассирша. Из кассы, запишите, сперли боны на сто тридцать два рубля, три чернильных карандаша, кольдкрем и ножницы.

Дворник. Ка-какие боны? Да я!.. Какие боны?.. Это что за новости! Какие боны? Какие ножницы и колькрем, а?.. Товарищ милиция... Да что же это, братцы, а?

Заведующий. Уберите этого дворника. Он мешает своим хрюканьем.

Кассирша. Он нервнрует работников прилавка.

Счетовод (из двери в соседнюю комнату).

У меня тут висели шелковое кашне и барашковая шапка. Теперича не найду. Запишите.

Дворник. Сволочь! Не брал я у тебя кашне. И семь кругов колбасы — это прямо издевательство. Взято всего три круга. И колькрем не брал. И ножней в глаза не видел.

Пауза.

Заведующий. К-как это по-понимать?

Дворник. Пес с вами. Сознаюсь. Я вор. Но я, между прочим, честный человек. Я мухи не обижу.

Милиционер. Это как же понимать?

Заведующий. Вот именно!

Милиционер. Стало быть, это ты, подлец, товар украл?

Дворник. Я. Но я не трогал эти боны, и эти ножницы, и это сволочное кашне. И сахар — это издевательство. Я не позволю иметь такие факты под моим флагом.

Заведующий. Ах, какой подлец!

Счетовод. Это прямо обшарпанная личность!

Заведующий. Конечно, мы можем сгоряча ошибиться. Но мы проверим. Товар на месте.

Счетовод. Товар в магазине. Проверить можно. Иваныч, ты куда давеча сахар ставил? Нет ли его под прилавком?

Работник. Да ты что, об'елся? Какой я сахар ставил? Есть под прилавком. Только я не ставил.

Счетовод. Или кто-нибудь поставил. Товар в магазине. Без обмана... Да, сахар почти что весь налицо.

Кассирша. Пардон, боны завалились в угол. Боны не взяты. Но кольдкрема и ножниц нет.

Дворник. Я тебе сейчас плюну в бесстыжие глаза. Ищи лучше, куриная нога.

Кассирша. Товарищ милиционер... Пардон, кольдкрем за кассу завалился.

Счетовод. Кашне тоже найдено. Оно у меня в боковом кармане заболталось. Но шапки нету.

Заведующий. Перепишите акт.

Дворник. Сволочь, считай колбасу, или я сам за себя не отвечаю.

Работник. Три круга колбасы взято.

Дворник. Три круга — это правильно.

Милиционер (дворнику). А ну, пойдём!

Дворник. Да погоди! (Кассирше). А ну, что, нет ножниц? Да я тебе, куриная зараза... За волосы выткну с твоей кассы.

Милиционер. Ну, пойдём, пойдём!

Работник. Какой характерный. Ещё упирается.

Счетовод. Страшная личность.

Заведующий. Мне, главное, морально тяжело.

Милиционер уводит дворника.

7

Заведующий. Ай, какие бывают люди!

Работник. Какие отрицательные подлецы, Василий Федорович!

Счетовод. Его станюят ночным сторожем...

Работник. Облекают его в доверие...

Счетовод. А он такие подлые штучки производит!

Кассирша. И какой хам! К женщинам как относится!

Работник. Он вас «куриная нога» назвал, Антонина Васильевна?

Кассирша. Нет, он только хотел что-то сказать... Да, нету ножниц. Ей-богу, нету ножниц! Ай, ну что ж я буду делать? Теперь вычтут.

Счетовод. Ай, да не конючите. Да вон... (Вытаскивает из кармана ножницы, бросает их на пол). Вон чьи-то ножницы валяются на полу. У меня шапка сперли, я и не ною. Чудная барашковая шапка

висела. Что я теперь буду делать? В чем я буду зиму ходить?

Заведующий. Глядите, и калоши унесли. Где мои калоши? Здравствуйте, пожалуйста. Вот так да! Вчерась калоши купил — и уперли. Ай, какой неудачный день. Что я буду делать? Я простудой хвораю.

Работник (*снимает с себя калоши*). Да вон чьи-то калоши стоят на полу. Не ваши ли, Василий Федорович?

Заведующий. Ах, мои!

Работник. Бродяга-вор, Василий Федорович, наשרное, нарочно их поставил у бочки. После, думает, возьму.

Заведующий. Да, но калоши-то я... Я же после кражи их снял.

Работник. А вор-то ведь заходил, вот и нацелился на новенькие.

Заведующий. Ах, ну да, разве что после кражи.

Счетовод (*ноет*). Такая чудная барашковая шапка была, с ушками. Уперли. Жена теперь меня со свету сживет.

Заведующий. Ай, да не нойте. У меня и без того в груди тошнит. Да вон лежит... (*Вытаскивает из своего кармана шапку*). Вон лежит чья-то шапка

Счетовод. Ей-богу, она самая. Эвон, как смыли. Затоптали ногами.

Заведующий (*томно*). Ай, какой неудачный день!

Работник (с тоской смотрит на калоши). Че-
ресчур неудачный день, Василий Фелорович.

Заведующий. Эй, там... Кто-нибудь!.. Народ..
Дайте мне чай с вареньем!..

1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Морока	3
Забавное приключение	13
Счастливый путь	27
Какие у меня были профессии	37
Неудачный день	51

Издание газеты „Правда“

Главлит Б—4355

Тираж 30.000

Издат. № 447

Заказ № 887

Редактор Л. ГИНЗБУРГ

Формат бумаги 72×105¹/₂

9400 п. з. в 1 бум. листе.

Сдано в набор 9/III.

Подписано к печати 25/IV.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 8.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

ЗАБАВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

МОСКВА

1 9 3 5

ЦЕНА 1 РУБЛЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА